

Лиана Райт

ПРАВО НА НОЧЬ

УДК 82-3
ББК 84-4
Р12

Р12 **Райт Л.**
Право на ночь / Лиана Райт – М.: Литнет, 2026. – 302 с.

ISBN 978-5-524-00825-1

У Ингрид Альтхольм хотят забрать сына.
Не мечом и не ядом — бумагами, регламентами и словами о благе государства.

У Рагнара Кроуфорда хотят забрать власть.
Но двор выбрал для этого очень плохой момент.

Потому что Ингрид — его бывшая боль.
А он — мужчина, которого она так и не смогла простить.

Чтобы спасти сына, Ингрид принимает помощь Рагнара.
Чтобы удержать двор, Рагнар делает её своей женой.

Теперь у них общий фронт и прошлое, которое так и не сгорело.
Она — ведьма, королева-мать и катастрофа для его самообладания.
Он — регент и маг, который уверен, что защитить можно только то, что держишь в руках сам.

Им нужно пережить дворцовые интриги, давление брака и охоту на её материнство.

Главное — не сорваться, не уничтожить друг друга и не признать, что этот брак давно перестал быть фиктивным там, где болит сильнее всего.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00825-1

© Литнет, 2026
© Л. Райт, 2026

Пролог

Снег на охоте всегда один и тот же – холодный, скрипучий, оседающий на одежде, седлах, гривах лошадей густым покрывалом.

Люди на охоте разные. В тот день они были слишком собранные. Слишком красивые. Слишком внимательные к тому, кто куда смотрит.

Я не любила охоты. Я ездила на них как на обязанность: рядом с королем, чуть позади, с улыбкой, которая должна означать «семья». Меня учили держаться так, чтобы никто не видел, сколько внутри пустоты. И я научилась.

Я не научилась только одному: верить в случайности, когда вокруг столько свидетелей.

Эйнар ехал впереди. Плечи ровные, взгляд спокойный, как будто лес принадлежит ему так же, как корона. Я видела его профиль – и в какой-то момент подумала, что он выглядит почти молодым. Это была последняя мысль, в которой не было страха.

Потом всё случилось не так, как должно случаться на охоте. Не «бах» и падение.

Тишина. Короткая, неправильная пауза, в которую я успела заметить чужие лица раньше, чем лицо Эйнара. У кого-то дрогнули пальцы на поводьях. Кто-то резко отвернул голову, будто ему показали то, что нельзя видеть. А кто-то... кто-то слишком быстро понял, что теперь надо делать.

Эйнар рухнул в снег тяжело. Белое стало красным. Лес не ахнул – он никогда не ахает.

Люди тоже не закричали сразу. Сначала сработало другое: кто-то уже наводил порядок, пока кровь еще растекалась по снегу.

– Несчастный случай, – сказал кто-то ровным тоном, и слово легло на всё сразу: на кровь, на тишину, на глаза, которые пытались не встречаться с моими.

Я запомнила не имя говорящего.

Я запомнила скорость, с которой это слово нашли. Будто оно лежало заранее, под рукой.

Меня не подпустили сразу. Меня вообще перестали замечать как человека. Я стала деталью в кадре: вдова, мать наследника, правильная фигура, которую нужно поставить на нужное место, чтобы история вышла приличной.

Я сидела в седле, пока мне кто-то говорил «держитесь» и «мы доставим» и «это страшно, но бывает». Слова ударялись о меня и падали вниз, в снег, как мелкие монеты. Я смотрела на кровь на белом и думала только об одном: если они так быстро нашли «несчастный случай», значит, у них уже есть всё остальное.

Во дворце я не плакала в коридорах. Нельзя.

Я плакала только когда оставалась одна – и то не всегда, потому что одиночество здесь тоже не принадлежало мне.

Кайрен спал, когда меня привели в мои комнаты. Ему тогда было... ещё слишком мало, чтобы понимать, что отец не вернётся. Я подошла к его кровати, коснулась теплого лба – и впервые за весь день почувствовала что-то похожее на землю под ногами.

Он проснулся ночью.

Не плачем – это было бы проще.

Он проснулся так, будто его кто-то выдернул из сна за горло. Горячий. Вялый. Глаза мутные, губы сухие.

Когда я взяла его на руки, он не обнял меня как обычно – просто повис, непривычно тяжелый, будто из него вынули живое тепло.

Сердце у меня сжалось от страха и боли. Я не закричала.

Я не позвала полдворца.

Я сделала то, что умею делать лучше всего: закрыла дверь, отрезала лишние голоса и стала считать.

Кто заходил в детские после охоты. Кто приносил воду.

Кто менял бельё.

Кто держал Кая на руках, пока я стояла рядом с телом Эйнара

и была «правильной».

Слуги скажут «это от нервов». Врач – «простуда».

Канцелярские люди – «только не поднимайте тревогу».

Я смотрела на ребёнка и знала: это не простуда. Не нервы. И тревога обоснована.

Это было похоже на дворцовые яды – те, что не убивают на месте, а ломают исподволь, чтобы ты до последнего верил, что это усталость, простуда, нервы – и что виноват сам.

Я подняла Кая выше, прижала к себе и вдохнула. От него пахло молоком, потом, детским теплом... и ещё чем-то чужим. Тонким, едва уловимым. Как будто на его коже была чужая рука.

Я пошла в маленькую комнату рядом с моими покоями – там, где я держала травы. Не «колдовство» для балов и красивых историй.

Работа.

Пахучие связки, настои, порошки, которые меня учили делать так, чтобы не убить, когда хочешь спасти.

Я работала быстро. В голове было пусто, как в мороз. Я делала только то, что надо: проверяла реакцию, слушала дыхание, удерживала температуру, не давая телу ребёнка уйти.

Магия пришла не как свет и не как песня. Она пришла как боль.

Она всегда приходит так, когда делаешь что-то на пределе.

Сначала в ладонях появляется жар, потом он поднимается выше, в локти, в плечи, и кажется, что кости внутри становятся слишком хрупкими.

Дрожь в пальцах – не от страха, от того, что сила не хочет быть послушной.

Сила хочет вырваться.

Я удержала её. Потом потеряла на секунду – и комната будто качнулась. Огонь в лампах дрогнул. Тень у стены сдвинулась не так, как должна. Я услышала свой собственный вдох, резкий, как у человека, который выплывает из-под льда.

Я снова удержала.

Кай застонал. Я ненавидела этот звук больше, чем любой шепот дворца. Я работала до рассвета.

В какой-то момент его жар начал спадать. Дыхание стало ровнее. Он перестал висеть у меня на руках этой чужой, безвольной тяжестью – и снова стал ребёнком, моим ребёнком. И тогда я впервые за ночь позволила себе выдохнуть.

Цена пришла сразу. Голова стала тяжелой. Пальцы не слушались.

Я сидела на полу у кровати, прижимая ладони к коленям, чтобы никто не увидел, как они дрожат. У меня было ощущение, будто по коже проходит мелкая судорога – и это будет продолжаться ещё долго, не день и не два.

Я знала этот откат. Я знала эту ломку.

Когда-то давно, ещё до короны, до брака, до того, как мою жизнь начали переписывать чужими решениями, я уже чувствовала похожее – но по другой причине. Рядом с одним человеком магия во мне становилась тише. Ровнее. Как будто кто-то держал моё дыхание вместе со мной. Как будто тело наконец вспоминало, что такое не бороться каждую секунду. Потом этот человек исчез из моей жизни так, что мне даже не дали сказать «да» или «нет» до конца. И откат был не просто болью. Откат был тем, что делает тебя опасной: сила выходит из рук, ломает вещи, срывает сон, превращает сутки в серую дыру.

Я пережила это. Он – тоже. Я знала.

Я проглотила это воспоминание, как проглатывают слишком горький настой: быстро, без удовольствия, ради эффекта. Мне нельзя было думать о нём. Не сейчас.

Сейчас у меня был Кай.

И был дворец, который делал вид, что ничего не происходит.

Днём мне сказали правильные слова: наследник здоров, просто испугался, просто траур, просто осторожность. Я повторила их ровным голосом и держала улыбку так, будто она держит стены.

Я научилась жить так: говорить одно, делать другое, думать третье.

Я прожила так больше года. Я выжила. Я до сих пор иногда не понимаю как.

А потом, вечером, когда Кай уже спал – крепко, с ладонью под щекой, так, что хочется верить в мир, – в мои комнаты принесли пакет с печатью.

Печать была свежей. Бумага пахла воском – и чужими пальцами, которые держали её слишком уверенно.

Её протянули мне так, будто я не королева-мать, а строка в ведомости. Будто решение уже прожило где-то свою ночь – в теплых кабинетах, за закрытыми дверями, – и теперь пришло сюда только за моей подписью.

Я посмотрела на печать – и внутри у меня всё стало ледяным. Слишком быстро.

Снова.

Я знала этот темп. Так двигаются только вещи, которые не обсуждают. Так оформляют то, что уже решенр.

На этот раз это было не про траур. Это было про меня.

Про то, как легко меня можно перевести из «матери наследника» в «жену кого-то». Про то, как вежливо – почти ласково – меня могут вывести из дворца, не выгоняя. И оставить моего ребёнка здесь, среди улыбающихся лиц и чистых рук.

Я подняла глаза на человека, который принёс пакет, и поняла: он не ждёт ответа. Он ждёт, что я приму.

И в эту секунду мне стало ясно – если я сейчас ошибусь, совсем скоро я проснусь уже в чужой жизни.

И Кай проснётся без меня.

Глава 1

Печать я не сломала сразу.

Пакет лежал на столе так, будто это не бумага, а маленькое животное: если тронешь – укусит. Я стояла над ним, чувствуя, как во мне поднимается знакомое, злое спокойствие. Это не то спокойствие, которое даёт уверенность. Это то, которое приходит, когда ты понимаешь: сейчас всё будет делаться без тебя, и единственное, что тебе остаётся – не дать себя сломать.

Я провела ногтем по воску, разрезая печать аккуратно, почти нежно. Точно так же я иногда вскрывала повязку на ране ребёнка: не потому что мне приятно, а потому что я должна видеть, что под ней.

Внутри был лист с ровным почерком и ровными формулировками. Я пробежала взглядом первые строки и сразу почувствовала, как мороз проникает под кожу.

«...в целях стабильности...»

«...во избежание...»

«...в соответствии...»

Я прочитала ключевое вслух – не для того, чтобы услышать, а чтобы закрепить в воздухе, как закрепляют диагноз.

– «...заключение брачного союза с утверждённым кандидатом...» – мой голос прозвучал ровно. – «...кандидат будет объявлен в установленном порядке».

Имени не было.

Ни подписи конкретного человека, ни даже намека.

Только печати Канцелярии Короны и имя канцлера Тормана внизу – как если бы это само по себе отвечало на все вопросы.

Дверь тихо скрипнула. Я не обернулась сразу – я знала, кто это. В моих покоях люди ходили осторожно, как по тонкому льду.

– Ваше величество... – голос был женский, молодой. Одна из тех,

кто по долгу службы умеет быть невидимой.

– Скажи, что ты хотела сказать, – ответила я и только потом подняла взгляд.

Девушка замерла на пороге, держа руки сложенными перед собой.

– В коридорах говорят... что это... – она запнулась, – что это «решение».

Окончательное.

– Конечно, окончательное, – сказала я и вернулась к листу. – Иначе зачем им печать?

Она сглотнула.

– Канцлер Торман просил передать... что завтра утром... будут ждать... ответа.

Я подняла взгляд снова.

– Ответа? – я слегка приподняла бровь. – Ты видишь здесь вопросительный знак?

Она покраснела, но не отступила.

– Они называют это... «согласованием формальностей». «Формальности».

Я запомнила это слово ещё с тех времён, когда мои собственные желания можно было упаковать в красивый футляр и назвать «неподходящими». Формальности – это то, чем убивают без крови.

– Поняла, – сказала я. – Иди.

Она сделала два шага назад, но всё же спросила – тихо, почти шёпотом:

– Ваше величество... имя... правда объявят позже?

Я посмотрела на неё так, что ей стало стыдно за вопрос.

– Имя объявят тогда, когда им будет удобно, – сказала я. – А мне удобно сейчас.

Она ушла, закрыв дверь мягко, будто боялась разбудить дом. Я снова опустила глаза на бумагу и прочитала ещё раз: «утвержденный кандидат».

Значит, кандидат уже выбран. Значит, разговор не про «за кого»,

а про то, как меня переведут в новую роль так, чтобы никто не назвал это насилием.

Я сжала лист так, что он хрустнул. Не потому, что хотела его уничтожить – потому, что некуда было деть силу, которая поднялась во мне волной.

Пальцы вспотели. Я почувствовала влажность на ладонях, холодный липкий след на воске, который остался на коже, и это почему-то разозлило меня сильнее всего – как будто даже мои руки уже не принадлежат мне, раз они реагируют не так, как я хочу.

– Тварь, – сказала я самой себе, и это слово было не про бумагу. Оно было про механизм.

Снаружи дворца кто-то мог бы решить, что я сейчас – слабая вдова, которая боится. Внутри дворца я не имела права на такое впечатление. Поэтому я сделала то, что умею: заставила дыхание стать ровным, плечи – прямыми, лицо – спокойным.

Я расправила лист на столе, разгладила его ладонью так, будто он не был смят. Будто я не оставила на нём следов.

Именно в этот момент в дверь снова постучали. Не осторожно, как раньше. Чуть увереннее.

– Войдите, – сказала я. Вошёл мужчина.

Не слуга. Не солдат.

Канцелярский – по осанке, по тому, как он держал себя: будто его одежда – это власть, а не ткань. В руках у него не было оружия, но он всё равно выглядел опаснее многих с мечом.

– Ваше величество, – он поклонился ровно настолько, чтобы не унизиться.

– Я прибыл от Канцелярии Короны. Для уточнения сроков. Я не предложила ему сесть. Он и не просил.

– Уточняйте, – сказала я.

– Завтра утром канцлер Торман ожидает вас для подтверждения получения документа. И... – он сделал паузу, – для обсуждения процедуры.